

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
Humanitārā fakultāte
Krievu literatūras un kultūras katedra

ДАУГАВПИЛССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный факультет
Кафедра русской литературы и культуры

CONSORTIUM OMNIS VITAE

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 70-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА Ф. П. ФЕДОРОВА

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS "SAULE" ~

2009

Stankeviča A. un S. Švarcbands, redaktori. *Consortium omnis vitae: Сборник статей к 70-летию профессора Ф. П. Федорова*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saulē", 2009. 656 lpp.

REDAKCIJAS KOLĒĢIJA

IRINA BELOBROVCEVA (Tallinas Universitāte, Igaunija), ALEKSANDRS BELOUSOV (Kultūras un mākslas universitāte, Sanktpēterburga, Krievija), MAIJA BURIMA (Daugavpils Universitāte, Latvija), RITA GIULIANI (Romās Universitāte, Itālija), VIDA GUDONIENE (Viļņas Pedagoģiskā universitāte, Lietuva), LUDMILA SPROĢE (Latvijas Universitāte, Rīga), GENĀDIJS STADNIKOVS (Krievijas Valsts pedagoģiskā universitāte, Sanktpēterburga), VASILIJS ŠČUKINS (Jagelonas Universitāte, Krakova, Polija), ANNA STANKEVIČA (Daugavpils Universitāte, Latvija), SAMUILS ŠVARCBANDS (Jeruzaleme, Izraēla), WILLEM WESTSTEIJN (Amsterdams Universitāte, Holande)

REDAKTORI

Anna Stankeviča, Samuils Švarcbands

REDAKCIJAS ADRESE

Daugavpils Universitāte
Krievu literatūras un kultūras katedra
Vienības iela 13, LV-5401, Daugavpils
tālr.: (371) 654-24238
e-mail: galina.vasilkova@du.lv

Izdevumu atbalsta Daugavpils Universitāte.

Vāka dizains: Ilze Meldere

Korektors: Jana Butāne, Inna Dvorecka,
Gaļina Vasiļkova, Irina Presņakova

Tehniskie redaktori: Gaļina Vasiļkova, Žans Badins

Maketētāja: Marina Stočka

О ЯЗЫКЕ «ГАЗЕТЫ ДЛЯ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ» (ПЕШТЬ-БУДИНЬ, 1868–1872)

Андраш Золтан

В феврале 1868 года в Пеште-Будине (сегодняшнем Будапеште) венгерское Министерство народного просвещения начало выпускать еженедельную газету для народных школ с целью ознакомления учителей с новыми достижениями педагогической науки и новыми методами преподавания в начальных школах и повышения уровня квалификации учителей, работавших часто в неблагоприятных условиях, вдали от городских центров образования и культуры. Имея в виду многонациональное население и, соответственно, многоязычное школьное дело тогдашней Венгрии, министерство начало издавать газету сразу на семи языках: венгерском («Néptanítók Lapja»), немецком («Volksschullehrer-Blatt»), румынском («Foi'a invetiatoriloru poporului»), словацком («Listy národních učitel'ov»), хорватском («List za narodne učitelje»), сербском («Лист за народни учители») и — для венгерских русин — на русском языке («Газета для народных учителей»)¹. Версия, предназначенная для учителей русинских школ, начиная с номера 45 от 2 ноября 1872 г. и до конца 1873 г., издавалась на украинском языке («Газета для народних учителів»)².

Инициатива по изданию газеты вообще и сразу на всех важных языках Венгерского королевства принадлежала либеральному политику Йозефу Этвешу (Eötvös, József, 1813–1871), который впервые стал министром народного просвещения в первом венгерском правительстве Л. Баттьяни (март–сентябрь 1848 г.) и уже в это время серьезно занимался планом издания педагогического журнала «Nevelési Szemle» («Педагогическое обозрение») для ознакомления венгерских учителей с передовыми достижениями педагогики на Западе. Этот план тогда не осуществился, поскольку Этвеш, как сторонник мирного решения австро-венгерского конфликта, после обострения этого конфликта в конце сентября 1848 г. подал в отставку и покинул Венгрию (Balázs 1968: 101–102). После австро-венгерского соглашения 1867 г. Й. Этвеш снова стал министром народного просвещения и теперь уже в более благоприятных условиях мог приступить к осуществлению своих планов. Министр добился того, что венгерский парламент выделил 30 тысяч гульденов на цели общедоступной учительской газеты.

Основанная Й. Этвешем газета просуществовала до 1944 г., однако на семи языках она издавалась относительно недолго, в первые шесть лет своего существования (1868–1873). За этот период газету высылали бесплатно каждому учителю. Сохранились данные о разделении тиража по языкам в годы издания газеты на семи языках (Balázs 1968: 102):

Год	Венг.	Нем.	Слов.	Рум.	Хорв.	Серб.	Рус.	Итого
1868	8000	2000	1500	2000	500	350	500	14600
1869	8400	2300	1250	2350	200	450	600	15550
1870	8100	1525	825	1025	100	225	300	12100
1871	9200	1950	900	1300	100	225	325	14000
1872	9850	2200	975	1450	100	225	350	15150
1873	10000	2300	1000	1575	100	325	375	15675

Й. Этвеш отстаивал принцип равноправия (в том числе и в области доступа к просвещению) всех граждан Венгерского королевства. Националистическая оппозиция нападала на Этвеша уже при его жизни, но даже и после его смерти газета на семи языках продержалась еще два года. Однако в 1873 г. в ходе дискуссии по государственному бюджету на 1874 г. газету остро критиковали не только венгерские националисты, которые видели в иноязычных мутациях газеты препятствие для мадьяризации национальных меньшинств, но и депутаты из рядов этих национальных меньшинств, которые, наоборот, в редактированной в венгерском министерстве просвещения и в духе венгерского патриотизма газете видели коварное средство мадьяризации. В результате парламент снизил дотацию газете до 10 тысяч гульденов, и с 1874 г. она издавалась только на венгерском языке и высылалась не каждому учителю лично, а только школам по одному экземпляру на 2–3 человека (Kondor 1968: 518; Balázs 1968: 150).

Факт, что газету для русин, проживавших в северовосточных комитатах Венгерского королевства, венгерское министерство просвещения решило выпустить на русском языке, не вызывает удивления. Историки единодушно подчеркивают отсталость национального развития венгерских русин по сравнению с другими национальностями Венгрии (Maeyer 1977: 7–9; Arató 1983: 54). В отличие от соседней Галиции вопрос о литературном языке подкарпатских русин в XIX в. решался в основном в русле москвофильства, и русский литературный язык сохранил сильные позиции здесь вплоть до 1944 г.

Русский литературный язык начал воздействовать на язык письменности венгерских русин еще в конце XVIII – начале XIX в. (Udvari 1995: 55–58, Udvari 2002: 197–198; ср. Rusinko 2003: 100 и 477, примеч.

40). Самые сознательные и влиятельные представители русинского национального движения в первой половине XIX в. пользовались русским литературным языком (А. Добрянский, А. Духнович, И. Раковский) и считали себя и свой народ частью русского народа (ср. Bonkáló 1935: 44–51, Bonkáló 1940: 118–121; Kiss 1995: 9–15). Перечисленные и другие не названные деятели русинской культуры тогдашней Венгрии, конечно, не владели русским языком, как родным, они, как правило, не бывали в России, русский язык усваивали как самоучки по книгам и путем общения с русскими, прибывавшими в Венгрию и/или Австрию (ср. Францевъ 1931, Vacsinszky 1942). Они знали свой родной восточнославянский диалект и церковнославянский язык, поскольку большинство их принадлежало к духовенству. Все это облегчало усвоение русского литературного языка, но в то же время непрочные основы знания русского языка и отдаленность от естественной среды его бытования открывали путь различным проявлениям интерференции как со стороны родного диалекта, так и с других языков Габсбургской империи/Австро-Венгрии, в многонациональной среде которой эти деятели работали.

Таким образом, можно говорить о том, что книжный русский язык подкарпатских русофилов отличается от русского литературного языка данного периода рядом специфических черт, которые частично совпадают с особенностями русского языка галицких москвофилов (см. Moser 2002). Однако ввиду более слабых контактов венгерских русин с Россией (при этом зачастую опосредствованных галицкими москвофилами – ср. Vacsinszky 1942) и другого набора контактирующих языков русский язык печатной продукции венгерских русин заметно отличается от языка галицких москвофилов. Прежде всего можно говорить о небольших фонетических отличиях этого русского языка и языка галицких москвофилов. Характерное «местное произношение» перенесено на русский язык русинов из подкарпатского произношения церковно-славянского языка, которое и сформировалось под заметным влиянием соседней Галиции.

Нам известны имена некоторых переводчиков, создававших в период с 1868 по 1872 гг. русский вариант «Газеты для народных учителей», все они были выходцами из русинской среды³, и имели русское произношение, соответствующее «местным канонам». Эти правила можно воссоздать на основе случайных отступлений от норм русской орфографии того времени, вызванных произношением переводчиков и не замеченных редакторами. К особенностям «местного произношения» русского языка, отразившимся в орфографии «Газеты для народных учителей», принадлежат, в частности, следующие черты:

На месте этимологического *ѣ* (*e*) произносится *и* (*i*), что бросается в глаза уже на титульном листе первого номера газеты, где в выходных данных мы читаем: «Издаеть кор[олевское] уг[орское]. *мѣ*нистерство народнаго просвѣщенія», хотя чуть ниже сообщается, что «Редакція и экспедиція находится въ кор. уг. *министерствѣ* народнаго просвѣщенія в Будѣ 1861). Форма *мѣ*нистерство фигурирует еще и во втором номере газеты, она исправляется на *министерство* лишь начиная с номера 3. — Ср. также написания *процвитати* (1869: 789), *зрилища*, *разсіянь* (1869: 792; ср. *разсіянности* — там же), *подозрѣтельныхъ* (1872: 357).

На месте этимологического *и* (*i*) произносилось украинское *и* (*y*), что отражалось в спорадическом смешивании букв *и* и *ы*: *развытія* (1868: 10), *пытомцамъ* (1869: 786), *набыраемыхъ* (1869: 787).

На месте этимологического *ы* (*y*) такого смешивания не наблюдается, поскольку подкарпатские говоры, за исключением гуцульских, в отличие от галицких и всех остальных украинских сохранили эту фонему. Эта особенность «угрорусской» фонетики засвидетельствована и в грамматике Е. Сабова (1990, ср. Балецкий 1942: 338, Balczyk 1943: 26–27). Можно думать, что переводчиков «Газеты для народных учителей» оберегала от ошибок в данном случае фонетика их родных говоров.

На месте этимологического *г* произносилось *h*, что явствует из транскрипции венгерского ономастического материала: *секешфегерварской* < *székes-fehérvári* (1869: 15); *гайдукаго округа* < *hajdúkerületi*, *кестгельскомъ* < *keszthelyi* (1872: 353); фамилия *Госсу* < *Hosszú* (1869: VI).

О произношении буквы *Ѡ* (фиты) как звукосочетания *ѡт* (*fi*) свидетельствует, по-видимому, опечатка в фразе «ищется одинъ рим. *каѡт*. помочный учитель» (1869: 15), хотя обычно слово «римско-католический» сокращается как *рим. кат*⁴.

Такой русский язык с «местным произношением» лег в основу грамматики Евмения Сабова (1890), с таким произношением звучали русские пьесы со сцены ужгородского театра в межвоенный период (Недзѣльскій 1941: 71–72; ср. Балецкий 2007: 169).

Никто того не заперечить, что сякимъ штучнымъ языкомъ говорила наша интеллигенція та до певной мѣры ще и говорить. Сей языкъ — се мѣшанина языка великоруського и церковнославянского та мѣстныхъ говоровъ. Сю саму мѣшанину видиме въ граматицѣ Сабова, въ складкѣ котрой тутъ-тамъ запримѣчуеме и гунгаризмы, —

характеризовал этот язык Э. Балецкий (1942: 339; ср. также Balczyk 1943: 9–11); такой же русский язык лег в основу анонимного учебника, изданного венгерскими властями для венгерских служащих сразу

после воссоединения Подкарпатья с Венгрией (Magyarország 1939), в котором дается подстрочная транскрипция «угрорусских» фраз средствами венгерской графики.

В области морфологии системный характер имеет только окончание инфинитива на *-ти* независимо от ударения (*идти / сказати* — 1869: 1), поддерживаемое как традицией церковнославянской грамматики, так и живыми говорами. (Встречаются, однако, и формы на *-ть*: *издавать, получать, обучать* — 1869: 14). В глазах современного читателя это придает «угрорусскому» тексту некоторый оттенок архаичности, как будто бы перед нами текст не второй половины XIX, а XVIII в.; это впечатление усиливается также благодаря некоторым церковнославянским лексическим элементам типа *понеже, токмо*. Синтаксис газетного текста часто искусственный, слишком рабски следует конструкциям и даже порядку слов иностранного оригинала. Все это придает тексту известную тяжеловестность.

В лексике и фразеологии часто встречаются заимствования и кальки с языка переводимых оригиналов. При переводе на русский язык использовался, по-видимому, наряду с венгерским оригиналом и параллельно подготовляемый немецкий перевод, так как в некоторых случаях русский текст ближе к немецкому, чем к венгерскому. Ср. на титульном листе: «Еженедѣльный вѣстникъ для дѣтскихъ пріютовъ (*kisded-óvodák*), народныхъ и *гражданскихъ школъ* въ Угорщинѣ (1868: 1)»: «Wochenschrift für die Kinderbewahranstalten, Volks- und *Bürgerschulen* Ungarns»: «Heti közlöny a magyarországi *kisdedovodák*, elemi- és *felső népiskolák* számára». В некоторых номерах 1869 г. встречается и буквальный перевод с венгерского: «Недѣльное издание для дѣтскихъ пріютовъ, первоначальныхъ и *высшихъ народныхъ школъ* Угорщины», но в общем для старших классов общеобразовательных школ устанавливается название *гражданская школа* в соответствии с нем. *Bürgerschule* (позже и в самом венгерском языке стало употребляться название *polgári iskola*, калькирующее немецкое название). Данная цитата указывает и на то, что для ясности и однозначности терминологии переводчики иногда приводили в скобках венгерские эквиваленты соответствующих терминов. Начиная с № 3 венгерское наименование *kisded-óvodák* из подзаголовка русскоязычной газеты изымается (ср. 1868: 33).

Глоссированы в тексте иногда и великорусские слова, а именно «местными»: *въ кабакѣ* (*въ коръмѣ*) [опечатка вм. *корчмѣ*, 1868: 43; ср. Чопей 1883: 157], *кузнецъ* (*коваль*) [1869: 823; ср. Чопей 1883: 151].

Украинизмы вкрадываются в язык переводов и несознательно, без глоссирования, ср. *Угорщина* (Венгрия — см. выше), *корыстатися* (1868: 10; ср. укр. *користатися* — ‘пользоваться’).

Переводчики иногда нечаянно употребляли слова не в их великорусском, а «местном» значении. Ср. в предложении:

Баронъ Юсифъ Этвешъ, министеръ общаго просвѣщенія, послалъ воззваніе, въ августѣ мѣсяцѣ [!] минувшаго года, къ многимъ соотѣчичамъ [!], занимающимъ частныя и публичныя должности, въ которомъ предлагаетъ, чтобъ наши сограждане устраивали [!] общества — въ каждой странѣ, да въ каждомъ болѣе многолюдномъ городѣ нашего края подъ названіемъ «народно-воспитательныя общества», и то для споспѣшествованія народно-школьному обученію (1868: 6).

Как это явствует из венгерского или немецкого текста, слово *страна* здесь употреблено в значении 'область' (*vidék, Gegend*), а край — в значении 'страна' (*ország, Land*), согласно «местной» норме, зафиксированной в словаре В. Чопея (1883: 381 и 159 соответственно).

Под влиянием венгерского и/или немецкого языка появляются в тексте нехарактерные для русского языка формы фразеологизмов и лексических значений:

Въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ старатися съ времени на время сообщить все то, что замѣчательнаго случилось въ одинокихъ краяхъ заграницы на полѣ народнаго школьнаго обученія (1868: 10).

[Ср. венг.: „E rovatban igyekezünk *koronként* megismertetni mindazt, mi a külföld egyes országaiban a népiskolai oktatás terén figyelemre méltóbb történetik”.

Ср. нем.: „In dieser Rubrik werden wir *zeitweise* all' Dasjenige bekannt zu geben bestrebt sein, was in den *einzelnen* Ländern des Auslandes Bemerkenswerthes auf dem Gebiete des Volksschulunterrichtes vorkommt”].

Фразеологизм *съ времени на время* вм. *время от времени* калькирует здесь со всей очевидностью венг. *időről időre* или нем. *von Zeit zu Zeit*, хотя в данном месте он употреблен самостоятельно, не под непосредственным влиянием венгерского и/или немецкого образца. Прилагательное *одинокий* могло быть употреблено в смысле 'отдельный' как под влиянием венг. *egyed*, так и нем. *einzeln*.

Перевод был сделан с немецкого, а не с венгерского оригинала, например, в случае следующего отрезка текста:

[Газета] „*Néptanoda*” орган *пяतिकостельскаго общества учителей*. Выходитъ однимъ листомъ ежемѣсячно двараза [!]. Редакторъ Францъ Шаламонъ. Подписная цѣна для членовъ общества 1 гульд. 50 кр., для [?] 2 гульд. на 10 мѣсяцевъ. Подписные деньги должны посылатися на имя Kranze, казначея общества въ *Пятикостелахъ (Pécs)* (1868: 47).

[Ср. нем.: «*Néptanoda. Organ des Fünfkirchner Lehrervereines*. Erscheint wöchentlich 2mal, 1 Bogen stark. Redakteur: Franz Salamon. Vereinsmitglieder

Pränummerieren auf 10 Monate für 1 fl. 50 kr. Nichtmitglieder für 1 fl. Prämumerationsegelder sind an den Vereinskassier Ferdinand Kranze nach Fünfkirchen zu übersenden».

Ср. венг.: «Néplapoda a pécsi tantitőegylet közlönye. Megjelenik egy iven havonként ketszer. Szerkesztő Salamon Ferencz. Előfizethetnek 10 hóna egylet tagjai 1 fl 50 krajt, nem tagok 2 flal. Az előfizetési pénzek Kranze Nándor egylet pénztárhoz küldendők Pécsre»].

Здесь переводчик скалькировал немецкое название венгерского города Печ (Pécs) *Fünfkirchen* (ср. средневековое латинское *Quinque Ecclesiae*, буквально 'пять храмов') при помощи слова *костец*, католический храм (Чопей 1883: 158), а также имя редактора (*Ференц*) передается в его немецкой форме (*Фрэнц*). Совместная австро-венгерская валюта, которая в Венгрии называлась *форинт*, передается также се немецким эквивалентом *гульден*.

Наоборот, только под влиянием венгерского образца могли возникнуть обороты типа *под временем учения*, во время учобы? (1869: 792), ср. венг. *a tantás ideje alatt*, но нем. *während der Unterrichtszeit*, или *на время учобы*? (1869: 817), ср. венг. *balról esik*, но нем. *liegt links*. Сюда относится и название учебника, приводимое в одном из объяснений: «Русская книга для чтения на часть второго класса на родныхх школь» (1872: 368). По поволу этой книги П. Фееряк в свое время писал: «Уже в самомь заглави встрѣчается выражение на часть, не свойственное ни утруппусскому, ни общерусскому языкамъ» (1888: 35). На самом деле *на часть* в значении 'для' не что иное, как буквальный перевод венгерского вторичного послелого *része* 'то же' (< *részt* 'часть' + аффиксы: притяжательный *-é* и местный *-re*, EWUng 2: 1257). Интересно, что в названии венгерского оригинала данного учебника — «Masodik olvasókönyv a II. osztály számára» (ср. венгерскую версию гл-зеты — 1872: 96) — выступают не послелог *része*, а его синоним *sámara*, образованный по той же модели, только от другого существительного — *sztm* 'число' (EWUng 2: 1391). Таким образом, переводчик в своей русской речи пользовался этим оборотом относительно свободно, поскольку его употребление вызвано не его непосредственным образом, а одним из синонимов этого образца в венгерском языке.

Венгерскому влиянию обязано специальное значение слова *теремъ* 'классная комната в школе': «Тамъ, гдѣ въ одномъ теремѣ только-то одинъ классъ есть» (1872: 356), ср. венг. *tan-terem*, калькирующее нем. *Lehrsaal*. Вент. 'зал' было заимствовано в средние века из славянского (EWUng 2: 1507); в данном значении и в данной среде русск. *терем* можно рассматривать как обратное заимствование из венгерского (ср. также Чопей 1883: 392, где *теремъ* толкуется как 'szoba, csapanok', т. е.

‘комната, зал’). Обратным заимствованием из венгерского можно считать также предикативное употребление прилагательного *свободно* в конструкциях типа «Только в крайнем случаѣ *свободно* стянути за тѣмъ ружьемъ» (1872: 356), ср. венг. «Csak végső esetben *szabad* e fegyverhez nyúlni», нем. «Nur in äußersten Fällen *darf man* von dieser Waffe Gebrauch machen». Венг. *szabad* в свою очередь предстает собой старое заимствование из славянского *svobodъ* (EWUng 2: 1378).

Язык «Газеты для народных учителей» несомненно русский, но это специфичный русский язык, развивавшийся одновременно на украинском и венгерском субстрате. Думается, что из-за многочисленных иноязычных вкраплений в лексику, фразеологии и синтаксисе для россиян он мог показаться странным и неудобопонятным, но подкарпатские москвофилы видели в нем «чистый литературный русский язык» (Фенцик 1872) и пользовались им как своим собственным вплоть до 1944 года. Поэтому русский язык подкарпатских москвофилов является неотъемлемой частью культурной традиции региона, достойной всестороннего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Титульные листы всех семи версий см. Kondor 1968: 518.

² Изменение языка издания газеты и заглавия соответственно не указывается в основательной в других отношениях библиографии ЗБП 1944: 40 (№ 596). О причинах перехода на украинский язык в самой газете ничего не говорится; имеется лишь явно анахроническая версия украинофила Г. Стрипского о том, что в этом выражалась симпатия венгерского общества и особенно лектора славянских языков Будапештского университета Йожефа Ференца к украинцам и солидарность с ними в связи с Эмским указом 1876 г. (Sztripszky 1916: 6). Москвофил П. Феерчак, который и сам принимал участие в редактировании русскоязычной версии газеты, по-видимому, ближе к действительности: «Когда же венгерское правительство узнало, что на глазах его и на его же средства издается газета на «московскомъ» язык, оно поручило переводъ профессору славянскихъ языковъ въ пештскомъ университетѣ Ференцу, съ тѣмъ, чтобы газета издавалась на мѣстномъ угорско-русскомъ языкѣ. Г. Ференць, не будучи знакомъ съ мѣстнымъ языкомъ, стал издавать газету на украинскомъ языкѣ, который онъ впрочемъ зналъ только по произведениямъ Котляревскаго, Квитки и галицко-русскихъ литераторовъ. В высшей степени характерно то обстоятельство, что венгерское правительство не нашло лицо, которое взялось бы за издание газеты на мѣстномъ русскомъ языкѣ. „Газета для народныхъ учителей“, подъ редакціей Ференца, хотя и разсылалась бесплатно, не имѣла успѣха: многіе народные учителя ее отсылали обратно. Вскорѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ, она была прекращена» (Феерчак 1888: 40–41). Переход газеты на украинский язык воспринимали как венгерские козни и другие представители русинской интеллигенции, напр. Е. Фенцик и Ю. Ставровский-Попрадов на страницах унгарского журнала «Новый свѣтъ» (№№ 48 и 49 за 1872 г.).

³ Один из переводчиков, Петр Феерчак (1888: 40), назвал троих редакторов-переводчиков газеты: «Она (т. е. газета) издавалась приблизительно на литературном русском языке, пока ее редакторами-переводчиками состояли угорские русские, Феерчак, Бурик и Петеръ». На одном из номеров (№ 23 от 6 июня 1872 г.) фигурирует наряду с фамилией ответственного редактора также имя переводчика — «Переводчик: Конст. Ив. Ханатъ» (1872: 368). Фамилия *Ханат* хорошо известна на Подкарпатье; ее происхождение не до конца выяснено, но если она на самом деле связана с именем *Афанасий*, как это допускает П. Чучка (2005: 584), то это свидетельствует также о подкарпатском происхождении переводчика. Известны духовные лица с фамилией Ханат на Закарпатье, как напр. греко-католический священник Никифор Ханат (Nicerphor Chanath), приглашенный в 1890 г. в США (г. Passaic, New Jersey, см. Mayer 1977: 176, 185), православный священник и культурный деятель Ириной Ханат (1857–1934, см. Дронов 2006).

⁴ Произношение *o* как *ft* — согласно украинскому церковнославянскому произношению («*o*, respondet pht, aut Anglico th» — Lutskay 1830: 6, ср. Успенский 2002: 356) — засвидетельствовано еще и в учебнике «угрорусского языка» для венгров 1939 г., в котором чтение фиты проиллюстрировано венгерскими транскриптами *Оома* = *Ftóma*, *Оаворъ* = *Ftávor* (Magyarország 1939: 6).

ЛИТЕРАТУРА

- Балецкий Е.
1942 Язык грамматики Е. Сабова зъ 1890-го року. *Зоря — Hajnal* 2. С. 336–350.
- Балецкий Э.
2007 *Литературное наследие*. Nyíregyháza.
- Дронов М.
2006 Традиция дней русской культуры на Пряшевщине (20–40-е гг. XX ст.). *Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. 1*. Київ. С. 309–315. (В сети: http://www.rusyn-rusnak.szm.sk/files/nas_narod/ruskakultura.htm — 06.08.2007)
- ЗБП
1944 *Загальна бібліографія Подкарпаття. Зложили Николай Лелекачъ и Иванъ Гарайда*. Унгварь.
- Недзвільській Е.
1941 *Угро-русскій театр*. Ужгородь.
- Сабовъ Евм.
1890 *Русская грамматика и читанка къ изученію литературнаго языка угрорусскихъ*. Унгварь.
- Удварі Іштван
2002 *Збирька жерел про студії русинського писемства І. Кирилинні уббіжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*. Ниредь-газа.

- Успенский Б.А.
2002 *История русского литературного языка (XI—XVII вв.)*. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Москва.
- Феерчакъ П.
1888 *Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ*. Одесса.
- Фенцик Е.
1872 Володимірь [= Е. Фенцик]. О новой орфографіи «Газеты для народных учителей». *Новый свѣтъ*. № 48, 1.
- Францевъ В.А.
1931 *Изъ исторіи борьбы за русскій литературный языкъ въ Подкарпатской Руси въ половинѣ XIX ст.* Прага.
- Чопей Л.
1883 *Русько-мадярскій словарь*. У Будапештѣ.
- Arató Endre
1983 *A magyarországi nemzetiségek nemzeti ideológiája*. Budapest.
- Bacsinszky Tivadar
1942 *Orosz-ruszin kapcsolatok a XIX. század közepén*. Ungvár.
- Balázs Mihály
1968 *A Néptanítók Lapja indulása. Köznevelés 24.*
- Baleczky Emil
1943 *Szabó Eumén orosz nyelvtanának hangtana*. Budapest.
- Bonkáló Sándor
1935 *A kárpátalji rutén irodalom és művelődés*. Pécs.
1940 *A rutének (ruszinok)*. Budapest.
- EWUng
1993–1997 *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. I–III. Loránd Benkő (Hrsg.) Budapest.
- Kiss Kálmán
1995 *A magyarországi orosznyelv-oktatás első korszaka (1849–1949)*. Debrecen.
- Kondor István
1968 *A hét nyelvű Néptanítók Lapja. Köznevelés 24. 518–519.*
- Lutskay G.
1830 *Grammatica Slavo-Ruthena*. Budaë.
- Magyarország
1939 *Magyarország nyelvyakorló könyv*. Ungvár.
- Mayer Mária
1977 *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Budapest.
- Moser M.
2002 *Ruthenisch oder Russisch? Die Sprache der galizischen Russophilen nach 1848. Wiener Slavistisches Jahrbuch 48. 99–115.*

- Rusinko Elaine
2003 *Straddling Borders: Literature and Identity in Subcarpathian Rus'*.
Toronto; Buffalo; London.
- Sztripszky H.
1916 S[ztripszky] H[iador]. Az „ukrán” név. *Ukránia*. 1, 6–10.
- Udvari István
1995 *Ruszin (kárpatukrán) hivatalos írásbeliség a XVIII. századi
Magyarországon*. Budapest.

SUMMARY

On the Language of the Journal “Газета для народных учителей” (Pest-Buda, 1868–1872)

The Minister of Religion and Public Education in the new Hungarian government formed after the Austrian–Hungarian Compromise of 1867 became József Eötvös, who had already held the same position in the revolutionary government of 1848. Supporting the legal equality of nationalities in Hungary, the liberal politician published a pedagogical journal called “Néptanítók Lapja” (‘Journal of the Teachers of the People’) in seven languages for teachers in public schools using different languages in the multiethnic Hungarian Kingdom. The journal was published in Hungarian, German, Romanian, Slovak, Croatian, Serbian and Russian. The Russian variant printed between 1868 and 1872 („Газета для народных учителей”) was made for Ruthenian teachers living in the north-east of Hungary. The paper describes the language of this Russian periodical published in the contemporary Hungary which displays a number of phonological, morphological, lexical and phraseological differences from the Russian standard of the given period due to the low proficiency of the translators.